

вания Пушкина" [6, с.127]. Представляется, что Алябьевский романс – наиболее сильное музыкальное прочтение данного стихотворения.

В замечательном романсе А.С. Даргомыжского (1843) чувство подается более сдержанно. Это сосредоточенное и глубокое раздумье. Мелодия сочетает песенное и декламационное начала. Тут композитор приближается к той форме лирического высказывания (беседа "наедине с собой"), которая чуть позже станет характернейшим признаком его лермонтовских романсов. Это очень интересный момент: Даргомыжский едва ли не первым в русской романсово-песенной лирике открыл, что нет железной границы между Пушкиным и Лермонтовым.

Лирически-созерцательное и драматически-взволнованное (последнее – не акцентируется) начала есть в романсе Б.С. Шереметьева (1870), музыка которого выдержана в традициях русской бытовой вокальной лирики. Зорного в этом нет, каждый композитор музыкально "прочитывает" то, что ему ближе в Пушкине. Несколько удивляет другое: в последнее время на концертной эстраде романс Шереметьева звучит намного чаще, чем другие вокальные произведения на эти стихи. Не идут ли тут певцы (даже крупные) по линии наименьшего сопротивления?

В романсе "Я вас любил" Н.К. Метнера (1916) при внешней простоте вокальной и фортепианной партий чувствуется и глубина, и теплота, и сердечная страстность признания-исповеди. Психологически детализируются каждый такт мелодии, каждая инто-

нация. Детализируются настолько, что до сих пор задается вопрос: не "поверил" ли Метнер "алгеброй гармонию"? Речь идет не только об этом романсе, а о принципиальном подходе Н.К. Метнера, композитора первой половины XX столетия, к наследию Пушкина. Уже по цифрам можно судить, что значил Пушкин для Метнера: у композитора 111 романсов и 32 из них – пушкинские! Метнеровский Пушкин, а это 1900–30-е гг., вызывал возражения, в том числе и таких маститых современников композитора, как Б. Асафьев. Есть суждение, наиболее тонко сформулированное певцом К. Плужниковым, солистом Мариинского театра, в его книге "Забывтые страницы русского романса": "Асафьев... утверждал, что... "пушкинский стих обезличен метнеровскими интонациями", что Метнер лишен "дара наивной и вдохновенной непосредственности" и потому утверждает себя в "плане интеллектуальном"... Но можно ли так ставить вопрос? На стихи Пушкина сочинялись романсы самого разного достоинства... В эпоху же Метнера острой была проблема, как писать на стихи Пушкина? Сохранять стиль и язык предшествующей эпохи или искать новое – главное, свое – выражение мыслей, образов поэта? И обвинение в интеллектуализме прочитывается в наше время как самая высокая похвала..." [7, с.79]

В год 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина остается очевидным, что развитию музыкальной пушкинианы конца не предвидится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А. Письмо П.А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года // Пушкин А. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 6. – М., 1938.
2. Климовицкий А. Отзвуки русского сентиментализма в пушкинских операх Чайковского // Музыкальная академия. – 1995. – № 1.
3. Чайковский М. Жизнь Петра Ильича Чайковского: В 3 т. Т. 2. – М., 1997.
4. Глинка М. Записки. – Л., 1953.
5. Медведева И. Александр Сергеевич Даргомыжский. – М., 1989.
6. Доброхотов Б. Александр Алябьев. – М., 1966.
7. Плужников К. Забытые страницы русского романса. – Л., 1988.

Т.Т. Уразаева

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПАНСИОН И КУЛЬТУРНЫЙ ТИП ЧЕЛОВЕКА "ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЭПОХИ"

Томский государственный педагогический университет

Московский университетский благородный пансион (МУБП) был основан при Московском императорском университете в конце 70-х – начале 80-х гг. XVIII в. Он быстро приобрел славу одного из лучших учебных заведений России. Его выпускниками были участники декабристского движения

(Н.М. Муравьев, И.Д. Якушкин, П.Г. Каховский, В.Д. Вольховский, Н.И. Тургенев, А.И. Якубович и др.), В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, МУБП имел ярко выраженный сословный, элитарный характер. Это было учебное заведение закрытого типа в отличие от

разночинских гимназий. В нем обучались дети коренного русского дворянства. Так, поступление в Пансион Лермонтова стало возможным благодаря тому, что по материнской линии он принадлежал к известному в России роду Столыпиных. Аркадий Алексеевич Столыпин, один из братьев Е.А. Арсеньевой (урожденной Столыпиной), бабушки поэта, был известным государственным деятелем, пользовавшимся уважением в декабристских кругах, близким другом М.М. Сперанского [1].

Длительное время правление Пансиона возглавлял А.А. Прокопович-Антонский [2], профессор естествознания Московского университета, неоднократно выбиравшийся в деканы физико-математического факультета. В своем представлении об идеале деятельной и нравственно прекрасной человеческой личности он опирался на взгляды Руссо и Ф. Бэкона. В рассуждении "О воспитании" он писал: "Просвещение без чистой нравственности и утончение ума без образования сердца есть злейшая язва" [3]. Воспитатель должен внушать своим питомцам сочувствие к "бедствующим страдальцам". Опираясь на теорию познания Ф. Бэкона, Прокопович-Антонский особую роль отводил знаниям, которые "основываются на наблюдении и опытах".

Воспитанниками Пансиона могли стать мальчики из дворянских семей в возрасте от 9 до 14 лет. Обучение продолжалось в течение шести лет. Окончание МУБП давало право на те же чины Табели о рангах, что и диплом Морского университета. Образование в Пансионе носило энциклопедический характер. Продолжение учебы в Московском университете, куда лучшие воспитанники могли зачисляться без экзаменов, придавало образованию специальный характер (право, естественные науки, словесность и т.д.).

Большое место в учебных программах Пансиона отводилось юридическим дисциплинам [5]. Преподавались такие предметы, как богословие, математика, физика, география, естествознание, архитектура, история, логика, нравственная философия и др. Изучался курс "военных наук". Окончание МУБП давало право на производство в офицеры. По словам декабриста В. Раевского, окончившего Пансион, гвардия была наполнена офицерами "из этого заведения".

Обширной была учебная программа по русской и западноевропейской словесности. Особое значение придавалось изучению иностранных языков: английского, французского, немецкого, итальянского. Изучались также древние языки: латинский и древнегреческий. На территории МУБП жили иностранцы, в том числе греки, для того, чтобы "благородные воспитанники" имели "живую" языковую среду. В обязательную программу входила игра на флейте, скрипке, фортепьяно, живопись, танцы, фехтование, верховая езда.

По воспоминаниям окончившего МУБП Д.А. Милютин, известного государственного деятеля, военного министра, в учебных занятиях Пансиона преобладало "литературное направление". Русскую сло-

весность преподавали А.Ф. Мерзляков, профессор красноречия и поэзии в Московском университете, известный поэт и переводчик, и С.Е. Раич, магистр словесных наук Московского университета, поэт, переводчик античной и итальянской поэзии.

В Пансионе была прекрасная библиотека. Книги приобретались на средства воспитанников. Отдельную библиотеку имело, по воспоминаниям С.П. Шевырева [6], выпускника Пансиона, Литературное общество, возглавляемое С.Е. Раичем. На собраниях Литературного общества воспитанники читали и обсуждали собственные сочинения и переводы. С.Е. Раич оказал большое влияние на формирование поэтической техники юного Лермонтова. "Все эти внеклассные занятия, конечно, отнимали много времени от уроков, зато чрезвычайно способствовали общему умственному развитию, любви к науке, литературе, чтению... тогда не было "вопроса о школьном переутомлении", – вспоминал Д. Милютин [7].

В Пансионе выпускались рукописные альманахи и журналы ("Арион", "Маяк", "Пчелка", "Улей"). Кроме того, до нас дошли в качестве отдельных, хорошо изданных книг печатные альманахи: "Цефей" (1829), в котором были опубликованы прозаические и стихотворные сочинения учеников Раича, и "Каллиопа" (1815, 1816, 1817, 1820), издававшаяся под руководством И.И. Давыдова, профессора истории и русской литературы на словесном отделении Московского университета, бывшего с 1815 г. инспектором Пансиона. В "Каллиопе" печатались оригинальные сочинения воспитанников, а также переводы из Цицерона, Сенеки, Горация, Ф. Бэкона, Блэра, Бюффона, Кондильяка и других авторов. Пансионеры принимали участие в энциклопедических журналах эпохи, которые издавали их учителя, помещая в них переводы или свои собственные сочинения. Это был журнал "Атеней", издаваемый М.Г. Павловым, профессором физики, минералогии и сельского хозяйства в Московском университете, инспектором и преподавателем физики в Пансионе, а также журналы ("Галатей", "Русский зритель") и альманахи ("Новые Аониды", "Северная лира"), издаваемые С.Е. Раичем.

Ежегодно проводились торжественные акты по случаю выпуска воспитанников, материалы которых ("Речи, разговоры и стихи, читанные в публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе"), издавались под руководством Давыдова. На торжественных актах пансионеры читали отрывки из произведений известных авторов, а также собственные сочинения, произносили "речи" и "размышления" на иностранных языках. Так, Вл. Строев, влюбившийся в ближайшее литературное окружение Лермонтова в годы учебы в Пансионе, на торжественном акте 1829 г. произнес две речи: о поэзии Томаса Мура на английском языке и о трагедиях Альфиери на итальянском языке. Лермонтов на торжественном акте 1828 г. исполнил на скрипке отрывок из сложного в техническом отношении скрипичного концерта Л. Маурера.

По воспоминаниям С.П. Шевырева, за завтраком, обедом и ужином вменялось в обязанность читать для водворения "тишины и благочиния". Любимым чтением были труды старшекласников, альманахи Пансиона, отечественная и иностранная периодика. Так, "Энциклопедическое обозрение", "первый тогда ученый журнал в Париже", переходил в руки воспитанников из "рук наставников" [8].

В старших классах Пансиона преподавали лучшие профессора Московского университета, крупные ученые. Воспитанники Пансиона, некоторые из которых поступили в университет (в 1830 г. студентом политического, а затем словесного отделения стал Лермонтов), и студенты Московского университета имели общих учителей. Так, М.А. Максимович, ученик М.Г. Павлова, магистр физико-математических наук, затем профессор ботаники Московского университета, в годы учебы Лермонтова в Пансионе преподавал естественную историю. Его научные труды, их диалектические идеи были восторженно восприняты любомудрами. В.Ф. Одоевский ввел Максимовича в круг Д. Веневитинова и И. Киреевского. М.А. Максимович оказал большое влияние на Герцена, слушавшего его лекции в Московском университете и написавшего под его влиянием свои первые естественнонаучные работы. В.Ф. Одоевский в годы учебы в Пансионе был "любимейшим учеником" И.И. Давыдова [9]. По учебным пособиям Давыдова (по истории философии, теории познания и логике) занимался в старших классах Пансиона Лермонтов. Павлов, Максимович, Дядьковский, Давыдов пользовались большой популярностью в среде студенческой молодежи в годы учебы в Московском университете Лермонтова, Белинского, Герцена, Станкевича. Интересно, что Дядьковский [10] был домашним учителем Д. Веневитинова. Все вышесказанное позволяет поставить вопрос об эпохальном типе образованности человека лермонтовской эпохи, типе его интеллектуальной и духовной культуры. Охарактеризуем некоторые основные черты этого типа.

1. Общеευропейский характер образованности, европеизм, ориентация на западную культуру в самом широком смысле. "Совместное действие важнейших государств Европы участвовало в образовании нашего просвещения, приготовило ему характер обще-европейский и вместе дало возможность будущего влияния на всю Европу" [11], — писал И. Киреевский. Русские люди 20–30-х гг. проделали огромную внутреннюю работу по осмыслению исторического и духовного опыта Западной Европы, предопределившую необыкновенную интенсивность развития национального самосознания.

Широкое знакомство Лермонтова с западноевропейской философской и художественной мыслью стало возможным благодаря тому, что он владел европейскими языками — французским, немецким, английским. Белинский, посетивший поэта в орлеанском пансионе, где он находился за дуэль с Барантом, был восхищен тем, как он блестяще образован. В письме

к Боткину он писал: "...Он в образовании подалее Пушкина. Он славно знает по-немецки и Гете почти всего наизусть дует. Байрона режет тоже в подлиннике" [12].

2. Характерной чертой ментальности русской интеллигенции лермонтовской эпохи была философская рефлексия. Философские идеи органически входили в ее духовный мир. Философская мысль была гранью художественного мирозерцания Веневитинова, В. Одоевского, Лермонтова, Тютчева, Герцена.

В то время как в российских университетах после восстания декабристов были упразднены кафедры философии, в МУБП большое внимание уделялось философскому образованию, прежде всего нравственной философии. В основе учебных пособий по истории философии ("Опыт руководства к истории философии") и логике ("Начальные основания логики"), автором которых был И.И. Давыдов, была его докторская диссертация о философии Ф. Бэкона "О преобразовании в науках, произведенном Баконом" [13]. Пансионеры делали переводы из античных философов, Ф. Бэкона, Монтеня, Паскаля, Ларошфуко, Лабрюйера, Вейса, Руссо и др. Проводником диалектических идей немецкой философии в Пансионе и Московском университете был М.Г. Павлов.

Именно в 20–30-е гг. складывается особый, национальный тип философствования. Его можно охарактеризовать словами Н. Бердяева: "Мое философское мышление не наукообразное, не рационально-логическое, а интуитивно-жизненное, в основании его лежит духовный опыт" [14]. Характерно, что одной из духовных родин философа наряду с Толстым и Достоевским были Лермонтов и Герцен.

Для русских мыслителей был характерен особый способ познания жизни "отдельными наблюдениями", афоризмами в отличие от "систематиков". "Систематикам" ("от Аристотеля и до Спинозы и Гегеля") Л. Толстой противопоставлял другой тип мыслителей, к которому он относил многих философов древности, французских моралистов с характерным для них афористическим способом мышления [15].

В умственной атмосфере Пансиона было особое пристрастие к философам второго типа.

3. Антиномичность мышления, его диалогический характер, открытость по отношению к развивающейся действительности.

Одним из любимейших философов у преподавателей Пансиона и их воспитанников был Платон с его "Диалогами". Излюбленным жанром в литературных опытах пансионеров был жанр разговора, восходящий к античной традиции диалога, спора. Разговору отводилась особая роль в развитии диалектического мышления у воспитанников. А.Ф. Мерзляков писал: "Писатель разговора всегда имеет выгоду перед писателем обыкновенных философских рассуждений: он может показать истину из разных точек зрения. Самые отвлеченные материи могут быть объяснены в виде диалога..." [16]

Жанр разговора был связан с афористической культурой. Впервые афоризм как метод познания и способ мышления был исследован Ф. Бэконом [17]. Афористическая мысль, как правило, раскрывается в оппозициях, в движении противоречий, отражая присущий человеку антиномический характер познания, его диалогичность и незавершенность.

Одним из источников интереса к афоризму, диалогу, разговору в атмосфере Пансиона была также немецкая романтическая культура. К жанру разговора обращаются Шеллинг, Ф. Шлегель. В немецкой романтической философии и эстетике утверждается

диалогический характер творчества и познания, идеал открытого фрагментарного философствования, не связанного жесткой формой какой-либо системы. Прообраз такого философствования видится в творчестве Платона.

Давыдов, Павлов, Максимович, испытавшие влияние шеллингианства, некоторые свои научные сочинения, в том числе адресованные пансионерам, пишут в форме афоризмов, разговора.

К диалогу, разговору как художественной форме обращаются в своем творчестве Д. Веневитинов, В. Одоевский, Лермонтов, Герцен.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Назарова Л.Н. Столыпины // Лермонтовская энциклопедия (ЛЭ). – М., 1981. – С. 550
2. См.: Шевырев С. Антон Антонович Прокопович-Антонский. Воспоминания, посвященные воспитанникам Университетского благородного пансиона. – М., 1848.
3. Прокопович-Антонский А.А. О воспитании // Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. – М., 1807. – Кн. V. – С. 55.
4. См.: Мурьянов М.Ф. Московский университетский благородный пансион // ЛЭ. – М., 1981. – С. 290.
5. Программы из высших классов Университетского благородного пансиона. Для испытания воспитанников, окончивших курс учения и назначенных к выпуску. – М., 1823.
6. Шевырев С. Указ. соч. – С. 23.
7. Московский Университетский благородный пансион эпохи Лермонтова (из неизданных воспоминаний графа Д.А. Милютина). Публикация Н.Л. Бродского // М.Ю. Лермонтов. 4Статьи и материалы. – М., 1939. – С. 11.
8. Шевырев С. Указ. соч. – С. 23.
9. Так называл А. Одоевский своего двоюродного брата В. Одоевского в письме к нему от 2 марта 1823 г. См.: Русская старина. – 1901. – Февраль. – С. 375.
10. О мировоззрении И.Е. Дядьковского см.: Микулинский С.Р. И.Е. Дядьковский. – М., 1951; Шилинис Ю.А. Врач-философ И.Е. Дядьковский. – Л., 1951; Лушников А.Г. Мировоззрение И.Е. Дядьковского // Дядьковский И.Е. Сочинения. Вопросы общей патологии.
11. Киреевский И.В. Обзорение русской словесности. 1829 год // Киреевский И.В. Избранные статьи. – М., 1984. – С. 61.
12. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1989. – Т. 9. – С. 365.
13. См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета (1755–1855). – М., 1855. – Ч. I. – С. 279.
14. Бердяев Н. Опыт эсхатологической метафизики. – Париж, 1947. – С. 9.
15. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. – М.-Л., 1930. – Т. 40. – С. 218.
16. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических, изданная для благородных воспитанников Московского университетского пансиона профессором А. Мерзляковым. – М., 1828. – С. 55.
17. См.: Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. – М., 1990. – С. 95.

И.П. Тюрин

ПОРТРЕТЫ П.Ф. ПЛЕШАНОВА В КОЛЛЕКЦИИ ТОМСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Томский художественный музей

Наличие в коллекции музея шести портретов кисти академика П.Ф. Плешанова предполагает необходимость более глубокого знакомства с творческой деятельностью этого художника.

Павел Федорович Плешанов (1839–1882) в 1860-е гг., в период создания портретов, находящихся в нашей коллекции, был фигурой достаточно известной и даже значительной в академических кру-

гах. Имя его приобретает некий нарицательный характер. “В Спасе ворочают Плешановы и прочие”, – пишет П. Чистяков П. Третьякову [1]. В храме Христа спасителя Плешанов выполнил десятки образов, ни один из которых не дошел до нашего времени.

В 1860-е гг., когда уже выразительно проявилось реалистическое направление в исторической живописи, творчество П. Плешанова является ярким пример